

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

«Мягкая сила»: специфика отечественного понимания

Алексей В. Борисов

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
aborisof@gmail.com*

Аннотация: Концепция «мягкой силы» давно уже стала предметом отечественного общественно-политического и научного дискурса. Вместе с тем сложившаяся в России специфика понимания «мягкой силы», как «комплексного инструментария» решения внешнеполитических задач без применения средств вооруженного насилия, приводит к попыткам выявления ее структуры, измерения ее эффективности и последующей оптимизации. Подобный подход порождает целый ряд последствий. Во-первых, он обедняет научную дискуссию, а, во-вторых, приводит к неэффективному выстраиванию системы коммуникаций с внешнеполитическим окружением. Инструментальный подход, сложившийся в отечественной политической науке и внешнеполитической практике, отвлекает внимание и ресурсы на создание каналов и форм коммуникации в ущерб ее содержанию. Ключевая же проблема, по мнению автора, заключается в содержании каналов коммуникации, использовании исторической памяти, как основного ресурса «мягкой силы». Апелляция к общему историческому прошлому затрудняет коммуникацию на постсоветском пространстве, особенно в период создания постсоветским государствами национальных версий «длинной» истории и вызывает настороженность у политических элит на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: коммуникация, культура, мягкая сила, национальная идентичность, ценности

Для цитирования: Борисов А. В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):130-141. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141>

Статья поступила 16.04.2020

Принята в печать 05.05.2020

Опубликована 25.05.2020

«Soft Power»: Specificities of Domestic Understanding

Alexey V. Borisov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
aborisof@gmail.com

Abstract: The concept of «soft power» has long been the subject of domestic social, political and scientific discourses. At the same time, the current specificity of the Russian understanding of “soft power” as “comprehensive toolkit” for achieving country’s foreign policy objectives without the use of armed violence leads to attempts to define its structure, measure its effectiveness and further optimization. Such an approach has a number of consequences. Firstly, it impoverish the scientific discussion, secondly, it leads to an inefficient building of a communication system with the foreign policy environment. An instrumental approach that prevailed in the domestic political science and foreign policy practice deflect the attention and the resources to create channels and forms of communication to the detriment of its content. The key problem, according to the author, is the content of communication channels, the use of historical memory, as the main resource of “soft power”. An appeal to a common historical past makes it difficult to communicate in the Post-Soviet space, especially during the creation by the Post-Soviet community their national versions of the “long” history and it causes the alarm among political elites in Post-Soviet space.

Keywords: communication, culture, soft power, national identity, values

For citation: Borisov A. V. «Soft Power»: Specificities of Domestic Understanding. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):130-141. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141>

Received 16.04.2020

Revised 05.05.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

Тема «мягкой силы» давно уже стала предметом отечественного общественно-политического и научного дискурса. Предметом для обсуждения становятся:

во-первых, подходы к ее определению, тем более что Дж. Най, предположив «мягкую силу» США в качестве источника победы последних в холодной войне, не предложил исчерпывающего определения данного понятия;

во-вторых, вопрос использования «мягкой силы» во внешней политике государств, с акцентом на деструктивное ее использование оппонентами России и недостаточно эффективное использование отечественным внешнеполитическим ведомством;

в-третьих, пути повышения эффективности использования «мягкой силы» во внешней политике России, в том числе за счет создания организационных структур и механизмов, позволяющих обеспечить воз-

действие на общественное мнение внешне-политических контрагентов.

СПЕЦИФИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Предложенный перечень не может претендовать на исчерпывающее описание направлений исследования «мягкой силы», но все же он более или менее отражает сложившуюся в отечественной политической науке и публицистике практику инструментальной трактовки означенного феномена. Отечественный исследователь М. М. Лебедева, описывая существующее положение дел, заявляет: «Самое распространённое понимание «мягкой силы» и явно доминирующее в России — это невоенные методы воздействия на противоположную сторону» [1].

Подобная практика может быть определена как итог некой интеллектуальной эволюции — изначально попытка интерпретации, теоретического обоснования и легитимации высказываний должностных лиц, определяющих внешнюю политику страны, таких как Президент и Министр иностранных дел России [2; 3], а затем использование ангажированных определений в научных статьях, учебниках и, что имеет определяющее значение, в документах стратегического планирования Российской Федерации.

Инструментализация «мягкой силы» обедняет научную дискуссию. Инструмент находится вне анализа целей и анализа средств. Вне анализа средств потому, что, сам являясь таковым, исключает анализ альтернативных вариантов, пока не будет доказана неэффективность инструмента, либо возможность применения альтернативы. Но определение эффективности или рассмотрение альтернативы невозможно вне анализа целей, для достижения которых может быть применен инструмент.

Именно поэтому анализ эффективности у нас подменяется обзором рейтингов «мягкой силы» государств, которые представляют, по большей степени, экспертные оценки качества государственного управления, системы образования, разветвленность и сила дипломатической сети и т. п. И тут допустим вопрос — а какое значение имеют вышеперечисленные компоненты для оценки «мягкой силы» того или иного государства?

Но и анализ сущности «мягкой силы» в рамках системы целей невозможен. Так использование «комплекса инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия» [3] не связано с конкретными целями внешней политики. Применение того или иного инструмента не связано с целью — книга может выступать как источником информации, так и подставкой для чайника. И в первом и во втором случае книга является инструментом, но цели ее применения устанавливает тот, кто использует этот инструмент. Разочарование мартышки очками, описанное в басне И. А. Крылова «и тот дурак, // Кто слушает людских всех врак: // Всё про Очки лишь мне нагали; // А проку на-волос нет в них» [4, с. 24], — не доказывает бесполезность очков, но лишь описывает неумелое использование средства. Так и заявление, сделанное в прогнозном докладе «Международные угрозы 2020. Каждый — за себя», что «... во время передела на первый план выступает реальная сила. Право писать новые правила игры можно либо завоевать, либо купить» [5], не свидетельствует о неактуальности «мягкой силы» в связи с изменением мирополитической конъюнктуры, а лишь отражает специфику отечественного понимания последней — это инструмент, который можно использовать для достижения предельно широкого круга целей.

Проблема заключается в том, чтобы не только определить — что представляет собой инструмент и обозначить цели, для достижения которых он предназначен, но и ответить на принципиальный вопрос, а инструмент ли это, действительно ли «мягкая сила» является «комплексным инструментарием решения внешнеполитических задач» [6], как на то указывалось в Концепции внешней политики 2013 года, и ее использование для решения внешнеполитических задач является «неотъемлемой составляющей современной международной политики» [7], как заявляется в действующей редакции Концепции.

Работы отечественных обществоведов и политических деятелей, рассматривающих «мягкую силу», на что справедливо указывает М. А. Неймарк в своей монографии, посвященной данному феномену, «... базируются на концептуальных построениях американского ученого и политика Дж. Найа» [8, с. 15], однако, на мой взгляд, содержат принципиальную ошибку, корни которой в переводе «soft power» как «мягкой силы». Как результат — игнорируется многоаспектность понятия «власть» в американской политической науке. Сошлюсь на слова автора концепции «soft power»: «Власть как погода. Все зависит от нее и говорят о ней, но мало кто понимает. ...Власть похожа на любовь, ее легче переживать, чем определить или измерить, но от этого она не становится менее реальной» [9].

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК НАРРАТИВ

В отечественном варианте перевода с английского «власть» сводится к влиянию, упускается из виду, что поведенческая трактовка власти, как «нечто такое: «А» обладает властью над «В» в такой степени, в какой он может заставить «В» сделать нечто, что «В» иначе не сделал бы» [10, с. 203], является далеко не единственной

и не исчерпывает всех подходов к определению власти. Тем более, что и Р. Даль, автор приведенного выше определения власти, склонен разделять власть как способность, которая базируется на наличии ресурсов, позволяющих спровоцировать поведенческий отклик, и власть актуальную, как «успешную попытку «А» получить «а», чтобы сделать нечто, чего иначе ему бы сделать не удалось» [10, с. 203]. Концепт Р. Даля критиковали многие, и эта критика достаточно полно изложена в работе Стивена Льюкса «Власть: радикальный взгляд» [11].

Рассуждения Найа не базируются на «поведенческом» определении власти. Более того, он показывает ее ограниченность, указывая то, что «В», следуя указаниям «А», совсем не обязательно делает то, что в противном случае делать бы не стал. Но власть и не обладание ресурсами, поскольку трудно понять и предсказать, какие ресурсы и в какой момент будут актуальны.

Дж. Най не сделал открытия, утверждая несводимость власти к действию, находящую выражение в своих крайних формах в насилии, и не был первым, кто говорил об этом. Практически все исследователи власти и властных отношений утверждают о согласии повинующихся (хотя бы минимального) как сущностного атрибута власти [12; 11]. И разве не современно концепции Дж. Найа звучат слова А. Грамши: «...когда социальная группа, имеющая собственное мировоззрение (пусть существующее еще только в зародыше, проявляющееся лишь в ее действиях и, следовательно, не постоянно, а от случая к случаю), приходит в движение как органическое целое, она, будучи интеллектуально зависима от другой социальной группы и подчинена ей, руководствуется не своим мировоззрением, а позаимствованным ею у этой другой группы. Она утверждает это мировоззрение

на словах и даже верит в необходимость следовать ему, потому что она следует ему в «нормальные времена», то есть когда ее поведение еще не стало независимым и самостоятельным, а остается подчиненным и зависимым» [13, с. 351]. И в этом заключается ключевой момент — Най пишет о «мягкой силе» в конце восьмидесятых годов, подводя итоги холодной войны.

Многие помнят слова 41-го президента США Дж. Буша старшего, сказанные им 28 января 1992 года — «с помощью Господа Америка победила в холодной войне», — но в этой же речи: «...и даже сейчас, спустя месяцы после неудавшегося путча, который низверг в пропасть несостоятельную систему, я не уверен, что мы осознаем случившееся в полной мере. Коммунизм в этом году умер» [14]. Джозеф Най, вводя в работе «Обреченные на лидерство. Изменяющийся характер американской власти» [15] термин «мягкая сила», пытается ответить на вопросы — за счет чего США одержали победу в холодной войне, каким должен стать мировой порядок и каким образом США смогут оказать влияние на его формирование.

Дж. Буш констатировал не только факт победы в холодной войне, он констатировал смерть тотальной идеологии, слом ценностно-нормативной системы, которая помимо того, что служила источником целей, норм, символов, упорядочивающих рамок, ритуалов, выступала основой советской идентичности и базой социального порядка. Распад социальной системы и слом социального порядка сделали советское, а затем и российское, общество восприимчивым к внешней социальной информации. В условиях дискредитации ценностей, которые определяли социальный порядок, структуру и формы социального взаимодействия, вполне объяснима потребность в информации, которая описывала

успешную модель социального поведения, притом, что успешность этой модели была провозглашена официально. Достаточно вспомнить эпизод, когда на совещании работников сельскохозяйственных областей и автономных республик в мае 1957 года Н. С. Хрущев выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», утвердив США в качестве лидера гонки, которую СССР очевидно проиграл в 1990 году.

Проблема была не в том, что США целенаправленно распространяли информацию, дискредитирующую Советский Союз, и пропагандировали «либеральные» ценности. СССР занимался тем же самым и, на определенном этапе, достаточно эффективно, что нашло отражение в названии книги Фредерика Баргхорна «Советское культурное наступление. Роль культурной дипломатии в Советской внешней политике» [16]. В документе Государственного департамента США, подготовленном в январе 1959 года, констатировалось: «Не будучи связанными с колониальными державами, Советский Союз и его союзники могут открыто и последовательно отстаивать интересы борцов против колониализма на международной арене ... В глазах африканцев, стремящихся к независимости, Советский Союз все больше приобретает репутацию ведущей антиколониальной державы» [Цит. по: 17, сс. 29-30]. Вопрос готовности реципиентов информационного воздействия воспринимать, интериоризировать и операционализировать информацию — вот центральный вопрос «мягкой силы». На чем основывается готовность? Из приведенной выше цитаты можно предположить, что доверие к информации и готовность действовать в соответствии с ней базируется на репутации источника воздействия. Но не стоит забывать о том, что репутация тесно связана с ожиданиями

потенциальных благ, которые приобретает, или, как ему кажется, может приобрести потребитель информации.

Брежнев Л. И., выступая в иранском парламенте в ноябре 1963 года, апеллировал не к культурным традициям СССР и России, или же факту победы во второй мировой войне, он апеллировал к успешной социально-политической и экономической модели: «... мы горды тем, что Советский Союз является мощной движущей силой мирового научного прогресса. ...голос советского человека из космоса звучит как торжество разума и справедливости коммунизма. В этой великой победе человеческого гения — триумф ленинских идей, проявление грандиозных успехов нашего народа» [Цит. по: 18, с. 253]. Именно успех страны в послевоенном восстановлении народного хозяйства, освоении космоса, противостоянии с США, позволял СССР достаточно эффективно осуществлять свою внешнюю политику в отношении стран третьего мира.

В начале девяностых годов, рефлексируя по поводу российских либеральных реформ, авторы монографии «Реформы и контрреформы в России» пишут: «Когда анализируешь аргументы в пользу возвращения России в «европейский дом», бросается в глаза преобладание наивно-утилитарного пафоса, беззаботного по части культурно-цивилизационных реалий, традиций. Запад опередил нас в технико-экономическом соревновании, победил в «холодной войне», — следовательно, наша традиция плоха, надо скорее от нее избавиться, присоединиться к Западу, дабы разделить его успех» [19, с. 367]. Авторы не призывают к отказу от традиции и безоглядному и некритичному принятию ценностей западной цивилизации, указывая на наивность подобного поведения. Но они обращают внимание на главное — готовность разделить успех

победителей в «холодной войне», пусть даже ценой отказа от традиции. Информационное сообщение лишь тогда становится элементом системы, обеспечивающей трансляцию мягкой силы, когда оно опирается на успех источника информационного сообщения.

«Мягкая сила» лежит в основе воздействия — она позволяет менять повестку дня, создавая тот социальный порядок, который соответствует целям ее обладателя. Дж.Най подчеркивал, что способность заставить кого-либо сделать что-то противное его воли, не означает обладание властью: «диктатор может отправить в заключение или же казнить диссидента, но, если диссидент стремился стать мучеником, невозможно говорить о власти диктатора. Власть всегда зависит от контекста, в котором существуют отношения» [20, с. 18]. Но отношения властвования это не только учет существующего контекста, это и его создание.

В шестидесятых годах, рассуждая о внешнеполитических целях государств, американский политолог А. Уолферс выделяет два вида целей — «цели обладания» и «цели среды». Первые описывают то, чем то или иное государство пытается обладать или же сохранить, что представляет для него ценность, вторые относятся к формированию контекста: «В данном случае будет уместно провести аналогию с поведением человека. Любого человека будут считать не просто эгоистичным, но и близоруким с точки зрения его собственных интересов, если он прилагает все усилия для приобретения и защиты богатства, оставаясь безразличным к миру и порядку, благополучию общества, в котором он живет и работает. Одно дело быть богатым и здоровым в процветающем обществе под защитой закона, но совсем другое — быть богатым и здоровым среди нищеты, болезней, отсутствия общественного

порядка и взаимного недоверия. И разница не только в безопасности приобретенного богатства, она также может означать разницу в ... будущих возможностях» [21]. Достижение «целей обладания», вне работы по созданию благоприятной среды, контекста — возможно. Но подобная практика порочна и затратна.

«Мягкая сила» — формирование контекста. И если А. Уолферс отстаивает в своей работе важность и необходимость программ помощи, экономической, так и помощи в обеспечении безопасности, как ключевых инструментов формирования контекста, то Дж. Най, выдвигая концепцию «мягкой силы», идет дальше — он говорит о достаточности создания нарратива. Рассказанная история успеха привлекает и побуждает к интериоризации целей, выраженных в ценностях и воплощении их в поведении, которое базируется на разделяемых нормах. Представляется принципиальным, что создание и трансляция нарратива не имеет четко заданного алгоритма в силу множественности источников информации и относительной дешевизны доступа к каналам коммуникации. Нация, а не государство, выступает источником «мягкой силы», но усилия последнего позволяют создать условия для ее трансляции, как инфраструктурные, так и ресурсные.

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Отечественная трактовка «мягкой силы» как «комплексного инструментария решения внешнеполитических задач» приводит к попыткам выявления его структуры, измерения его эффективности, как в целом, так и его структурных элементов, и последующей оптимизации. Это ведет к тому, что, уделяя внимание инструментам, таким как расширение ареала изучения русского языка, консолидации русской диаспо-

ры, созданию инфраструктурных условий для въездного туризма, обучению иностранных студентов, медиапроектам и многим-многим другим, мы забываем о том, что лишь умело рассказанная история национального успеха формирует позитивные ожидания от возможного сотрудничества для достижения выдвинутых нами, но разделяемых всеми целями.

Выдвижение целей, которые могут быть достигнуты с помощью «мягкой силы», создание и последующее финансирование организаций, отвечающих за ее продвижение, приводит к дискредитации концепта — государство тратит ресурсы на то, чтобы рассказать о своих целях. «Мягкая сила» страны не сводима к продвижению и навязыванию ценностей и норм, воздействию на массовое сознание, информационному сопровождению внешнеполитических усилий государства. «Мягкая сила» — рассказ об успехе нации, побуждающих тех, кому этот рассказ адресован, следовать нашим путем. Однако для такого рассказа необходим успех, но успех, который обращен в будущее и, как следствие, может быть разделен. Именно это позволяет реализовать то, что Най определял в качестве «мягкой силы» — «способность влиять на других путем средств сотрудничества и формирования программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия» [22, с. 56]. Но мы заменяем рассказ об успехе открытием центров русского языка и культуры, проведением публичных мероприятий, образовательными обменами и прочим, что позволяет отчитаться о расходовании государственных средств, но не способствует «мягкой силе» России.

Это особенно ярко проявляется на постсоветском пространстве, которое в Концепции внешней политики России обозначено в качестве приоритетного направления

внешней политики [7]. Не до конца понимая значение и назначение «мягкой силы», отечественные политики и сосредотачиваем свои усилия на продвижении русского языка и поддержке соотечественников.

При этом не принимается во внимание, что русский язык, как и любой другой, выступает лишь средством коммуникации, ценность и востребованность которого определяется привлекательностью страны. В Стратегия «Казахстан-2050», представленной в 2050 году, содержится утверждение: «Мы должны сделать рывок в изучении английского языка. Владение этим «лингва франка» современного мира откроет для каждого гражданина нашей страны новые безграничные возможности в жизни» [23], которое недвусмысленно указывает на приоритеты языковой политики Республики Казахстан.

Так и поддержка соотечественников зачастую рассматривается как разновидность вмешательства во внутренние дела государств и поощрение ирредентизма русскоговорящей общины. Транслируя «мягкую силу» на постсоветское пространство, мы обращаемся к соотечественникам, о чем заявляется не только в выступлениях должностных лиц, ответственных за проецирование мягкой силы России [24], но и в Концепции внешней политики: «...Российская Федерация: ... активно способствует развитию взаимодействия государств - участников СНГ по вопросам сохранения общего культурно-исторического наследия, расширения сотрудничества в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах, уделяет особое внимание поддержке соотечественников, проживающих в государствах - участниках СНГ, содействию международно-правовых инструментов защиты их прав и законных интересов в образовательной, языковой, социальной, трудовой, гуманитарной и иных

сферах» [7]. Обращение к соотечественникам, вне трезвой оценки их возможностей по оказанию конвенционального способа воздействия на общественное мнение страны пребывания и лиц, принимающих решения, ведет к тому, что соотечественники подвергаются социальной стигматизации в стране пребывания.

Ключевая же проблема России заключается, прежде всего, в содержании каналов коммуникации, использовании исторической памяти, как основного ресурса «мягкой силы». Переходя из имперского состояния в состояние государства-нации, мы конструируем историю, создавая славные прошлое, которое выступает в качестве основы для национальной идентичности, определяет и закрепляет статус великой державы. Сосредоточенность на прошлом затрудняет обращение к будущему. Тем более недопустимо, что эта сосредоточенность определяет коммуникацию на постсоветском пространстве.

Исторический нарратив, центрированный на победе во второй мировой войне, не может служить ресурсом мягкой силы лишь потому, что страны постсоветского пространства создают собственные версии «длинной» национализированной истории, позволяющей обосновать уникальность нации и государства. Именно поэтому упование на общее культурно-цивилизационное наследия, как «важный ресурс СНГ в целом и каждого государства-участника в отдельности» [7], является, по меньшей мере, заблуждением. Тем более недопустимы заявления, подобно главе Россотрудничества Э. Митрофановой, что нашим преимуществом на постсоветском пространстве является «уникальный исторический опыт многовекового сосуществования в составе одного государства, сотрудничества, взаимопроникновения культур, экономической взаимодополняемости» [25]. Уникальный

исторический опыт многовекового сосуществования указывает лишь на точку отсчета, которая определяет начало, направленность и характер национального исторического нарратива. Советский период истории, вне зависимости от оценок последнего, в рамках истории национальной всегда будет представлен в качестве эпизода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эрнест Ренан, выступая в Сорбонне в 1882 году, подчеркивает значимость истории для нацистроительства: «Нация, как и индивидуумы, это результат продолжительных усилий, жертв и самоотречения. Культ предков — самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея» [26, с. 100]. Пытаясь апеллировать к общ-

ности исторического наследия, мы подвергаем сомнению существование наций на постсоветском пространстве. Тем более, что в условиях откровенной слабости гражданского общества, как в России, так и на постсоветском пространстве, мы обращаемся к элитам, чья незаинтересованность в декларации общности исторических судеб определяется использованием исторического мастер-нарратива в качестве источника собственной легитимности.

Пора отказаться от инструментализации «мягкой силы» России, воспринимая ее в качестве средства для продвижению государственных интересов с помощью информационных и гуманитарных технологий, которые являются лишь способом доведения до контрагента информации о преимуществах сотрудничества. Мягкая сила кроется внутри страны и ее успехе. Лишь в этом случае язык будет востребован, а наша система ценностей разделяема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017;3(54):212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
2. Шестаков Е.Ю. Мягкая сила. Накануне Всемирной конференции соотечественников глава МИДа Сергей Лавров дал эксклюзивное интервью «РГ». URL: <https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html>. 2008. 30 октября. (дата обращения: 15.04.2020).
3. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>. 2012. 27 февраля. (дата обращения: 16.04.2020).
4. Крылов И.А. Мартышка и очки. В: Крылов И.А. Полное собрание сочинений (в трех томах). Т. 3. Москва: Гос. изд-во художественной литературы; 1945-1946. 620 с.
5. Международные угрозы 2020. Каждый — за себя. Ежегодный прогноз консалтингового агентства «Евразийские Стратегии». Евразийские стратегии. 2020. 18 января. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2020/> (дата обращения: 16.04.2020).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 года). 2013. 18 февраля. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 16.04.2020).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., N 640). 2016. 30 ноября. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 16.04.2020).

8. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; 2017. 272 с.
9. Nye J.S.Jr. The Changing Nature of World Power. *Political Science Quarterly*. 1990;105(2):177–192. DOI: 10.2307/2151022
10. Dahl R.A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;2(3):201-215. DOI: 10.1002/bs.3830020303
11. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. Москва: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики; 2010. 240 с.
12. Арендт Х. О насилии. Москва: Новое издательство; 2014. 148 с.
13. Грамши А. Избранные произведения. Москва: Политиздат; 1980. 422 с.
14. President George H.W. Bush, State of the Union address. 1992 January 28. 2010. 18 августа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N2SDqiPbS2Y> (дата обращения: 12.04.2020).
15. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books; 1990. 336 p.
16. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Praeger; 1960. 353 p.
17. Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960-1964. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2015. 318 с.
18. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. Москва: Политическая энциклопедия; 2018. 623 с.
19. Панарин А.С., Ахиезер А.С., Ильин В.В., редактор. Реформы и контрреформы в России. Москва: Изд-во МГУ; 1996. 400 с.
20. Nye J.S.Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
21. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press; 1962. 283 p.
22. Най Дж.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. Москва: АСТ; 2014. 444 с.
23. Стратегия «Казахстан-2050». 2012. 15 декабря. URL: https://www.akorda.kz/ru/official-documents/strategies_and_programs (дата обращения: 15.04.2020).
24. Забродин А., Байкова Т. «Россия всегда дорожила отношениями с близким ей грузинским народом». Замглавы МИД РФ Андрей Руденко — о контактах с Тбилиси, теплении с Кишиневом и будущем Союзного государства. *Известия*. 2020. 11 февраля. URL: <https://iz.ru/974385/aleksei-zabrodin-tatiana-baikova/rossiia-vsegda-dorozhila-otnosheniami-s-blizkim-ei-gruzinskim-narodom> (дата обращения: 14.04.2020).
25. Макеева Н. Глава Россотрудничества назвала главной миссией расширение круга друзей РФ. 2019. 10 апреля. URL: <https://riafan.ru/1168796-glava-rossotrudnichestva-nazvala-glavnoi-missiei-rasshirenie-kruga-druzei-rf> (дата обращения: 15.04.2020).
26. Ренан Э. Что такое нация? В: Ренан Э. Собрание сочинений (в 12 томах). Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев: Издание Б.К. Фукса; 1902-1903. 164 с.

REFERENCES

1. Lebedeva M.M. «Soft Power»: the Concept and Approaches. *MGIMO Review of International Relations*. 2017;3(54):212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (In Russ.)
2. Shestakov Ye.Yu. Soft power. On the eve of the World Conference of Compatriots, For-

- eign Minister Sergei Lavrov gave an exclusive interview to RG. 30 October 2008. URL: <https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html> [Accessed: 15.04.2020] (In Russ.)
3. Putin V.V. Russia and the Changing World. 27 February 2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 4. Krylov I.A. Monkey and Glasses. In: Krylov I.A. Complete Works (in three volumes). In.: Vol. 3. Moscow: Public Publishing House of Fiction; 1945-1946. 620 p. (In Russ.)
 5. International threats 2020. Everyone is for himself. The annual forecast of the consulting agency «Eurasian Strategies». Eurasian Strategies. 18 January 2020. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2020/> [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 6. Concept of the foreign policy of Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin February 12.02.2013. 18 February 2013. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptfCk6BZ29/content/id/122186 [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 7. Concept of the foreign policy of Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin November 30.11.2016. N 640). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 8. Neimark M.A. «Soft Power» in the World Politics. Moscow: Publishing and trading corporation «Dashkov and K»; 2017. 272 p. (In Russ.)
 9. Nye J.S.Jr. The Changing Nature of World Power. *Political Science Quarterly*. 1990;105(2):177-192. DOI: 10.2307/2151022
 10. Dahl R.A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;2(3):201-215. DOI: 10.1002/bs.3830020303
 11. Lukes S. Power: a Radical Review. Moscow: Ed. house of state. University - Higher School of Economics; 2010. 240 p. (In Russ.)
 12. Arendt H. On Violence. Moscow: New Publishing House; 2014. 148 p. (In Russ.)
 13. Gramsci A. Selected Works. Moscow: Politizdat; 1980. 422 p. (In Russ.)
 14. President George H.W. Bush, State of the Union address, January 28, 1992. 18 August 2010. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N2SDqiPbS2Y> [Accessed: 12.04.2020]
 15. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books; 1990. 336 p.
 16. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Praeger; 1960. 353 p.
 17. Mazov S.V. Cold War in the «Heart of Africa». USSR and Congolese Crisis, 1960-1964. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2015. 318 p. (In Russ.)
 18. Shattenberg S. Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country. Moscow: Political Encyclopedia; 2018. 623 p. (In Russ.)
 19. Panarin A.S., Akhizer A.S., Ilyin V.V. (ed.) Reforms and Counter-Reforms in Russia. Moscow: MSU Publishing House; 1996. 400 p. (In Russ.)
 20. Nye J.S.Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
 21. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press; 1962. 283 p.
 22. Nye J.S.Jr. The Future of Power: How Smart Power Strategy is Changing the 21st Century. Moscow: AST; 2014. 444 p. (In Russ.)
 23. Strategy «Kazakhstan-2050». 15 December 2012. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs [Accessed: 15.04.2020] (In Russ.)
 24. Zabrodin A., Baykova T. «Russia has always treasured its relations with the Georgian people close to it». Russian Deputy Foreign Minister Andrei Rudenko — on contacts with Tbilisi, warming with Chisinau and the future of the

- Union State] [website]. *Izvestiya*. 11 February 2020. URL: <https://iz.ru/974385/aleksei-zabrodin-tatiana-baikova/rossiia-vsegda-dorozhila-otnosheniami-s-blizkim-ei-gruzinskim-narodom> [Accessed: 14.04.2020] (In Russ.)
25. Makeeva N. The head of Rossotrudnichestvo called the main mission to expand the circle of friends of the Russian Federation. 10 April 2019. URL: <https://riafan.ru/1168796-gla-va-rossotrudnichestva-nazvala-glavnoi-missiei-rasshirenie-kruga-druzei-rf> [Accessed: 15.04.2020] (In Russ.)
26. Renan E. What is a Nation? In: Renan E. (Complete Works in 12 Volumes). Translation from French edited by V.N. Mikhailovsky. In.: Vol. 6. Kiev: Edition B.K. Fuchs; 1902-1903. 164 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Борисов, Кандидат философских наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov, Ph.D. (Philosophy), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; aborisof@gmail.com